

**О СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ
МОДИФИКАТОРОВ И КВАНТОРОВ
(В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)**

Майя Кузова
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

**ABOUT SEMANTICS AND PRAGMATICS
OF EXPRESSIVE MODIFIERS AND QUANTIFIERS
(IN BULGARIAN AND RUSSIAN)**

Maya Kuzova
Paisii Hilendarski University of Plovdiv

The work examines the specific expression of emotion, emotional reaction and emotional evaluation. In particular, the focus is on some typical ways of grading expression in emotional-evaluative phrases. The direct or indirect connection between the semantics, the hidden suggestions, and the real functioning of the expressive markers is traced. The behavior of quantifiers – modifiers – qualifiers of the sign / assessment is distinguished. The dynamics of the situation are sought both in Bulgarian and in Russian.

Key words: linguistic expression, pragmatics, evaluation, marker, quantifier

Материал дополняет результаты обширного монографического исследования, посвященного специфическим экспликациям эмоции и оценки в болгарском и русском языках (Кузова 2018).¹ Наряду с классическими („нейтральными“) реакциями, их яркие и необычные варианты с успехом воюют за законные позиции в экспрессивном речевом репертуаре современного человека. За пределами книги, конечно,

¹ На свидетельствах более 1700 примеров выведены типичные направления переосмысления знака оценки – *парадоксальные* факты (разных уровней) рассмотрены с точки зрения структуры, семантики, прагматики. По отдельным аспектам многолетней работы отпечатано и множество статей.

остается не до конца сказанное. Погружение в проблемы ведет к новым идеям, свежие примеры для размышлений непрерывно подает и актуальная жизнь языка. На рассмотрение напрашиваются дополнительные маркеры эмоционально-экспрессивной оценки. Разумеется, они ярче раскрывают себя на фоне общей ситуации, но и отдельным фрагментом, надеемся, могут вписаться в широкую и весьма любопытную картину темпераментной оценочности.

Оценка относится к интенциональному аспекту языка, где переломление мира в сознании человека осложняется рядом факторов – и общественными, и *частными* критериями, и (варьирующей) нормой, и личностными характеристиками индивида, и условиями или моментом речи. Экспрессия – **принципиально** оригинальна. Ее эксцентричные причуды непрерывно обогащают живую речь. Предпочтительно смотреть на это с хорошей стороны, как на нормальный процесс, в ходе которого и язык *звонко* реагирует на свое обозначаемое.

Норма и система влияют на то, как говорят люди, задавая реальные, относительно четкие, но динамичные и все время проверяемые узусом границы. Устоявшееся продвигается к норме, оттуда – к системе. Экспрессивные словоупотребления и словокомбинации тоже превращаются в языковые факты, в члены системы. Всем понятные неординарные номинации, со своей стороны, не только не противоречат метакоммуникационной аксиоме о невозможности некоммуницирования, а весьма удобны как оценочный прием. Об этом свидетельствует их общественная рефлексия: они повседневны, ими пестрят масс-медиа, охотно используются и в неспонтанном жанре рекламы, где их достоинства в особом почете.

Параллельно с *лихорадочной* номинацией протекает и обратный процесс: превращаясь в стереотипы, яркие оценки постепенно *блекнут*, а эффект необычайной стыковки или переосмысления исчерпывается. Понятно, если коннотация частотна в речи, она психологически обесценивается, лишается экспрессии. Нейтрализация характерна для части кванторов с фиксированной экспрессивной валентностью: *страшен, страхотно, ужасно; р. страшно, ужасно*. Они, как и ряд модельных структур, уже обычны, но живучие механизмы создают новые пароксизмы.

Речь пойдет о некоторых функциональных соответствиях типичным кванторам / модификаторам экспрессивной оценки: в болгарском *почти, съвсем, изцяло, напълно, абсолютно, крайно, докрай, просто, обикновен, пълен, цял, истински*; в русском *почти, совсем, совершенно, абсолютно, крайне, просто, обычный, полный, сущий*,

настоящий. Важно выяснить общую специфику, а также сложную роль этих *лабильных* в терминологическом смысле участников оценочного контекста. Т. наз. дискурсивные (*mots du discours*) или функциональные слова (*function words*) образуют специальную группу из служебных слов, незначительных частей речи, частиц речи; к ним примыкают некоторые местоимения и прилагательные. Их интеграция в общем классе **градуальна**, зависит от нарастания / ослабления *прототипной семантики*, признака *прототипа*: „прототипные варианты выступают центральными членами класса, в то время как непрототипные оформляют градацию от центральной области“ и „ассимилируются классом лишь в степени, в которой уже соответствуют прототипу или приближаются к нему“ (Осенова 1999: 50).²

Члены такого динамического множества выходят за пределы классификаций, основанных на традиционных терминах; их одноклассовость не обвязана с органической формальной принадлежностью к определенному разряду единиц. В то же самое время их выделение имеет совсем определенные научные основания: прототипическую *кванторность*. Общее в природе этих *словечек* (иногда сложных и нелегко переводимых) проявляется и модифицируется только в конситуации. Там выявляется и особый сочетаемостный потенциал:³ они вторят друг другу, соревнуются между собой, пересекают друг другу дороги, образуют пестрые семантические мини-группы, потом их резко покидают, отсвечивая собственные нюансы. Семантика этих знаков прагматически ориентирована, отсюда, они предельно живы и исключительно непостоянны в реальных процессах коммуникации. Прагматический аспект значения вбирает и явные, и тайные цели высказывания. Варианты следуют за импульсами или нарочными речевыми тактиками, преследуют эффективное и эффективное общение. Особенно в последних случаях типичен специальный подбор средств выражения.

Долго можно говорить о *своенравии* отдельных представителей класса маркеров, о предпочтительном или ошибочном их употреблении, о рестрициях и запретах на их присутствие в положительном или отрицательном контексте.

² Здесь и далее перевод цитат наш – М. К.

³ „Дискурсивные слова теснее связаны с контекстом, чем какие бы то ни было другие его элементы, и при попытке их вывести из контекста, от их семантики ничего не остается, кроме печально знаменитая „усилительность“ [как отмечает А. Н. Баранов – М. К.] и при этом все они начинают выглядеть одинаково“ (Дмитрова 1998: 46).

Например, лексема *абсолютно*, по нашим наблюдениям, расширяет употребительность из-за дополнительной семы законченности; она превышает семантику и *много*, и *почти*, и *напълно*, внушая более категорическую убежденность в предельной величине размера. В этом смысле, живой контекст и специальные прагматические цели все время ее ищут, предпочитают ее, но превращают ее сочетаемость в „зону постоянных ошибок или порождения спорных формаций“ – исследуя детскую речь, С. Димитрова отмечает, что *абсолютно* употребляется и „со значением единицы с инвариантным образом идеи обобщения: *Мама не ми се кара, тя абсолютно* (вместо *въобще*) *не ми се кара за дребни неща*“ (Димитрова 1998: 62). Ошибки допускаются и в глагольном, и в именном окружении: *абсолютно* (не) *искам*, *абсолютно* (съм) *сънен / гладен*, *абсолютно* (е) *мръсен, мръсно / грозен, грозно...*

Особыми являются и другие сочетания лексем (в том числе контактующих между собой) из группы с инвариантным образом идеи полноты, целостности / приближения к пределу, например, с *почти*: *почти съвсем не* (се) *вижда*. Важно, что *почти* ориентировано к плюсу, его коммуникативная семантика ассоциируется с требуемым качеством или прогрессивным движением в позитивное направление, соответственно, маркер избегает минуса: **почти тревожен*, **почти недостаточно*, **почти се изморих*; в русском аналогично: **почти лишний*, **почти плохо*.

Специален однако факт целиком прагматических рестрикций в употреблении большинства *стандартных* лексем со значением полноты, исчерпанности, предела в функции кванторов к плюсовой оценочности. И в русском, и в болгарском они практически не сопровождают позитивные оценки (Кузова 2018), и только поведение лексемы *абсолютно* (отчасти, *съвсем / р. совсем*) противоречит этому строгому принципу. В чисто кванторном употреблении маркер подчеркивает (с незначительными исключениями) качества и ситуации, оцениваемые именно как положительные, удобные, хорошие: срв. плюсовые, разрешенные *абсолютно сит, бодър, нов, чист / чисто, перфектен / перфектно, навреме* и прагматически некорректные **абсолютно уморен, гладен, стар / старо, мръсен / мръсно, грозен / грозно*. В русском аналогично: *абсолютно сыта / не голодная, верно, новый / ново, вовремя*, но **абсолютно голодна, старый / старо, ошибочно*.⁴

⁴ С глаголами сочетаемость вообще слаба, одинаково неправильно **абсолютно искам / не искам, харесвам / мразя, успях / закъснях*. В русском языке: **абсолютно хочу / не хочу, нравится / ненавижу, успел / опоздал*.

Специфическая восклицательная обобщительность фраз-реакций и, особенно, моноремных экспрессивно-оценочных фраз (Кузова 2018: 271, 282 – 290) типично усиливается частицами, тонко моделирующими семантику и прагматику. Показательны попытки объяснить присутствие в них маркера *просто*, что отнюдь не так просто. Для иллюстрации стоит привлечь внимание к вариантам 1. *Просто идиот... Просто малоумник, недей да се косиш...* с возможной заменой *просто* на *обикновен, само, чисто и просто*, с негативным уклоном и без возможности замены маркера на *истински*; 2. *Просто кошмар, кошмарен сън! Просто чудо, прелест!* – темпераментное восклицание с избытком эмоции обоих оценочных знаков, с аналогами *пълен, цял, истински* и запретом участия *обикновен, само*. В русском: *Да просто придурок, не горячись...* = *Всего-навсего придурок!* и *Просто абсурд! Просто красавица!* = *Настоящий абсурд / Настоящая красавица!* (Кузова 2020). Очевидно, прагматика сильно зависит от индивидуального речевого акта и в то же время, наоборот, активно на него влияет, регулируя и видоизменяя его.

В этом ракурсе можно более подробно рассмотреть и специфическую оценочную неопределенность. Официально закреплено (и лексикографически) экспрессивное употребление болгарского местоимения *един* „для выражения пренебрежительного отношения к предмету или лицу: *Той пък е един журналист!*“ (Буров, ред. 1994: 191). На такую роль не могут претендовать его прямые соответствия в русском: *один, любой, всякий, каждый, какой-нибудь, какой-либо, произвольный*. Дальше станет ясно, что проявления неопределенной референции, прямо обвязанной с категорией эмотивности, весьма характерны в болгарском языке, в то время как в русском таких свидетельств критически мало.⁵ Е. Тилев делает важные замечания о функционировании *един* в славянских языках: „в болгарском *един* употребляется намного шире, может выражать неопределенность, генерич-

⁵ Функционированию *един* / *один* в сопоставительном аспекте посвящено детальное исследование Ю. Чакыровой-Бурлаковой, чьи наблюдения доказывают их статус *особых элементов* в системах болгарского и русского языков (Чакырова-Бурлакова 2004). По мнению Е. Тилева, расширение семантико-грамматических функций „является причиной весьма разнонаправленного классифицирования *один* в русском – как прилагательное, числительное, местоимение“, а к случаям семантической транспозиции причисляется употребление *одни* „как синоним неопределенного местоимения *какой-то, некоторый*, срв.: *Одни люди используют ложь во благо, другие в плохих, а то и вообще опасных целях*“ (Тилев 2022: 187). О роли числительного *один* как неопределенный артикль (предартикль) см. Касаткина 2012.

ность, может быть частью словосочетаний с темпоральным значением и др.“, а „утверждение, что [...] употребляется почти в два раза больше, чем в русском, можно прямо пропорционально отнести и к остальным славянским языкам“ (Тилев 2022: 187).

Болгарская форма *един* ближе всего к прототипному ряду неопределенных местоимений, но сторонится их вследствие тенденции к грамматикализации (Осенова 1999: 51). В соответствии с референциальным подходом отграничивается неопределенная референция формы, которая специализируется в особом (полуопределенном) употреблении: при конкретном, знакомом для говорящего предмете, который остается неидентифицированным для слушающего (Пенчев 1984, Стаменов 1987). Отграничение является результатом существенного разграничения а) предикативного (нереферентного / адефинитного) употребления именной фразы в роли сказуемого определения и б) референтного / дефинитного употребления в предложениях равенства, где устанавливается идентичность именных фраз (Стаменов 1987: 430 – 431, Чакырова-Бурлакова 2004: 238).

Адефинитные фразы, из-за своего нереферентного употребления нечленны, а добавление *един* проблемно: невозможно или значимо, т. е. с последствиями для семантики. По мнению Р. Ницоловой, в такой позиции *един* возможно „только как интенсификатор, подчеркивающий положительные или отрицательные качества референта подлежащего, приписываемые сказуемым определением, и выражающий эмоциональное отношение со стороны говорящего“ (цит. по Стаменову 1987: 432): *Тя е един поет (не ти е работа). Те са едни демократи (все им се нарушават правата...).* *И той е един помощник (в кухнята е пълен хаос).* Считаем нужным добавить, что если при неочечных именах маркер *един* типично рождает сомнение или полностью отрицает обсуждаемые качества, то при окрашенных лексемах может быть подтверждающим, созвучным им: *Той е един наивник. Тя е една фантазьорка.* В негативном контексте созвучие подтверждается продолжением оценочной фразы: *това е, (и) това е всичко, и толкова, и нищо повече.* В синонимику с *един* выступают маркеры *просто, чисто и просто, само, обикновен*; в русском бытуют соответственно *просто, всего-навсего / и только, (да) и все.*

Намного более напряженной является ситуация и в адмиративном, и в негативном контексте темпераментной оценки: *Той е един гений / подлец! Тя е една вълиебница / никаквица!* Различны рестрикции и синонимика маркеров: *един = направо, истински, абсолютен, пълен, цял, (...) и половина.* Любопытны сочетания с неодушевлен-

ными существительными при реакциях на явление, ситуацию: *Това е един разкош / кошмар!* – независимо от оценочного знака имени, *един* чаще придает восклицаниям оттенок, вносимый и маркерами *истински, абсолютен, пълен, цял*. В русских аналогах *Да она прямо настоящая фея!* / *Так это просто прелесть / кошмар!* нет особой конкуренции кванторов.

Видимо, экспрессивная форма *един* может сопутствовать широкому (почти произвольному) кругу существительных, независимо от того, они окрашены или нейтральны, обладают или нет качественной семантикой, положительно или отрицательно номинированное качество.

Значимые констатации об ее потенциале следующие:

А. Фактически создает оценку (чаще отрицательную) (т. наз. приобретенная оценочность) – в сочетании с нейтральными именами, в отношении которых нарушены *нормальные* ожидания: *И ти си един шофьор... Тя е една лекарка..., пази, Боже! Тя е една шивачка, оставила си е ръцете! То са едни прибори, по-добре да ядем с ръце...*

Б. Выдвигает положительное или отрицательное качество – в эминентном значении (исключительности); ее семантическая роль как у наречия степени: *Една чистота... Една мръсотия... = Голяма чистота / мръсотия.*⁶

В. Выявляет *банальность* явлений / признаков / качеств (чаще негативных): *Това е един филм, просто филм, една измислица просто, не се разстройвай!* / *Тя е една кифла, и нищо повече.*

Г. Отсвечивает категоричность, интенсифицирует и пейоративность, и адмиративность: *Ти си един карьерист! Той е един добър човек / смелчак! Това е един ад / рай!*

Д. (по аналогии с **А.**) Колеблет или переворачивает оценочность плюсовых имен, добиваясь полюсного внушения или по меньшей мере иронии: *Тя е една красавица, да си плюеш в пазвата!, И той е един майстор..., още нямаме ток!*

Во всех эмоционально-семантических модификациях наблюдается свое характерное и чувствительное движение интонационного контура, который чаще остается незамкнутым. Это вовлекает знаковую паралингвистику: жестами и мимикой подчеркивается особая недовысказанность из-за избытка эмоции, из-за равнодушия, из-за бессилия описать оцениваемое. Возможна и словесная экспликация *открытого* контура комментарными фразами, заявляющими отказ от комментариев типа *не е за приказка (за приказване), да не говорим, да*

⁶ В русском это безкванторная позиция; еще об этом см. Маслов 1982.

не *ти* объяснявам, да не *ти* разправям, нямам думи или афективами (и устойчивыми) как *кошмар*, *ужас*, *страхотия*, *страшна работа*, *срам* и *позор*, *ум да ти зайде*, *тури му пепел* и другие, подходящие для обобщения неопишуемой ситуации.⁷ Они в ожидаемом порядке дублируют специфику интонации и кинетических средств.

Кажется, обособленные наверху модели отграничены достаточно четко, но их рамки зыбкие, а примеры нередко трудно преодолевают амбивалентность оценочного знака. Типичную иронизацию может несколько нейтрализовать перечислительное мн.ч., внушающее скорее плюсовую семантику, независимо от *стандартной* интонации и от присутствия названных комментарных продолжений: *Там едни покривки, едни прибори, едни вина, едни мезета... Не ти е работа!* Более редки примеры типа *Тя е една красавица! Той е един мъдрец!*, в которых *един* является чистым интенсификатором, а внушение фразы не переходит границу в сторону иронического переосмысления. В русском в аналогичных условиях или отсутствуют маркеры, или обычны *просто*, *настоящий*, *сущий*: *Он просто гений!*

Очевидно, все пять вариантов в болгарском связаны с иной, экспрессивной ролью *един* – очерчиваются новые стороны вносимой им семантики, изменяется функциональный имидж квантора (в теснейшей обязанности с обликом имени, при котором он употреблен), варьируют и ряды его эквивалентов. Неопределенность при этом может сохраняться, расшатываться или сниматься. Попытаемся показать сдвиги, демонстрируя противоположные ипостаси маркера (минимализирующая – максимализирующая), сопоставляя с ситуацией в русском языке, добавляя и другие штрихи к выявленным основным параметрам.

При отрицательно окрашенных существительных модели **В.** оценочная семантика сообщается ровно, констатация далека от особой эмоции: *Той е (просто) един глупак / най-обикновен глупак*. Специфику образца строит общая семантика безразличия, дистанцирования или неясноты, вопроса: срв. *Днес си един (защо ли, кой знае защо, някак, нещо) разсеян... Едно ми е притеснено*. В таком минимализирующем варианте неопределенность просвечивает, функционально *един* плотно приближается к потенциалу формы *някакъв*⁸: *Абе, не-*

⁷ В роли дополняющих усиливающих комментариев возможны и предложения, называющие подходящие для оценочного (негативного) контекста действия: *да му откъснеш главата, да го хванеш и да го пребиеш от бой* (Стаменов 1987: 433).

⁸ *някакъв*, неопр. мест. 1. Неизвестно, неопределенно какой. *Той ми е някакъв роднина. Дай ми някаква химикалка*. 2. С числительным – выражает пренебре-

нормалник *някакъв*... В этом подварианте отмечается и подобная демонстрация неопределенности русского *один* = *какой-то*⁹: *Да тут хам к нам один пристал... Ты какой-то (почему-то, как-то, что-то) сегодня странный!*¹⁰ Дурак (в общем) *какой-то* (банальный, самый обыкновенный). *Какая-то* кошмарная шуба... как это называется... овчина. При нейтральных именах – тоже: *Рассказывают нам, как один фригиец, по имени Квинт, сам явился к проконсулу. Тут есть на Пересыпи один трактирчик, под названием „Ягодка“.*

Наоборот, в максимализирующем контексте при мобилизации усилительных частиц, с нарастанием роли интонации и паралингвистики оценка интенсифицируется¹¹, а неопределенность резко снижается: *Ама (и) (ти) си една глупачка! Такава глупачка... Думи нямам. И в русскую оценку, логично, включается усилительно-указательный маркер *такой*: Да такая ж ты (еще) дура! (= настолько, до того ты глупая). Ну что ж ты страшная такая?!*

С другой стороны, неопределенность маркера *някакъв* тоже нестабильна. Справедливо отмечая, что „когда [*някакъв*] обозначает свойство с качествами *x* референта, форма реализует только неспецифическое употребление“, П. Осенова дает интересные примеры сочетаний с личными именами: *Имахме нужда от някакъв (= един – М. К.) Рамбо и трябваше да го намерим; Ще трябва да намеря някакъв Чък Норис от истинския живот* (Осенова 1999: 83). Как ни странно на первый взгляд сочетание неопределенности с персонализацией, для нас очевидно, что в этих и подобных случаях *някакъв* и *един* взаимозаменяемы и совсем конкретны. Этому есть и разумное объяснение: нужен в неопределенном порядке *любой*, но *такой же, вполне определенный* персонаж, т. е. с качествами Рамбо, Нориса (имена, употребляемые как нарицательные). В русском тоже функционирует *какой-то*, необязательно с оттенками иронизации или пренебрежения: *Здесь некоторые не в курсе, кто такой Тема Лебедев, чего уж говорить про какой-то Рэмбо Амадеус; Я же не какой-то Делон... К*

жительность. *След някакви 100 метра пристига*ме (Буров, ред. 1994: 525). Об оценочности и неопределенности болгарских форм *един / едно / едни* в сочетании с числительными см. Кузова 2018: 308 – 309.

⁹ *один* 4. мест. неопр. *какой-то, некий*. В *один прекрасный день. Один из присутствующих* (Шведова, ред. 2003: 445).

¹⁰ Ср. с русскими примерами *Что-то мне не хорошо... Как-то туда мне совершенно не хочется...* Еще об этом см. Кузова 2018: 298.

¹¹ „Это два разных типа высказываний (эмоциональные и неэмоциональные), т.е. *един* в предикативных фразах с качественной семантикой не гарантирует интенсификацию“ (Стаменов 1987: 436 – 437).

подобным заключениям приходит Е. Тилев, который коротко останавливается на специфике сочетания неопределенных местоимений-прилагательных с антропонимами (имя, фамилия) в болгарском и русском языках; примеры „характерны для обоих языков, но из-за оценочной нагруженности и своеобразного сочетания *неопределенности* с ясно *определенным* референтом, выраженным собственным именем, они не так фреквентны“ (Тилев 2022: 263). Там же автор цитирует мнение Т. Кировой, считающей, что чаще их находим в русском, в то время как в болгарском языке предпочтительно присутствие частицы *си*.

Интересно проследить за поведением маркеров *някакъв си*, *някой си*, явно и четко усиливающих неопределенность: *неопределен, неизвестен, незнаен, какъв да е, безразлично какъв, еди-какъв си*. В экспрессивном контексте *някакъв си*, *някой си* оценочны и демонстрируют категорическое пренебрежение (*нищо и никакъв си*); они успешно чередуются с *един* и его формами, свободно сочетаются с числительными, с нарицательными именами (нейтральными или с качественной семантикой) и собственными именами, выступают и как субстантивированные: *След **някакви си** петстотин метра той се умори и седна. И после дойде **някакъв си** дядка и говори пет часа глупости! **Някаква си** съседка не искала дървета под прозорците си! Защо пък да не се скараме и за **някакъв си** Пловдивски панаир?! **Някой си там**¹² д-р Илиев си казал мнението по телевизията и всички трябва да го слушаме в захлас... **Някой си там** умник е измислил всичко, за да ни е лесно! **Някакви си** настоявали, че трябва да работим и в неделя!* В русском контексте *какой-то*, *некий* тоже негативно оценочны и типично снабжены оттенками иронизации: *Через двадцать минут предстал **какой-то** чувак в маске. **Какой-то** парень появился в его цех и все там разворотил... Хозяйке пришел **какой-то** фантастический вонючий пакет. Вечером надвинулся **какой-то** циклон, стало ветрено и хмуро. На заседание с некоторым опозданием появилась **некая** журналистка Малаховская. Ни о чем не говорит мне эта фамилия.* В обоих языках маркеры сохраняют неопределенность, чаще сопровождаемую пренебрежением, которое настойчиво, убедительно внушается и собеседнику (с призывом к сопереживанию).

¹² Присутствие наречия отдаленности *там* дополнительно выявляет формальную рассогласованность признаков *неопределенности* и *определенности*, что лишний раз подчеркивает оценочные характеристики конструкции, выражающей дистанцированное и однозначно негативное отношение к референту.

Экспрессивные варианты оценочной номинации иллюстрируют и тенденцию к употреблению готовых языковых структур (формул, клише), которые располагают дейктическими или прагматическими маркерами. Модельны иронические безглагольные предложения, вводимые при помощи *то*... Самó *то* расширяет свое нереперентное употребление, что приводит к высокой степени десемантизации: его можно рассматривать или как маркер начала предложения (*плеонастическое подлежащее* по Й. Пенчеву), или как чисто прагматический маркер: *То голям будала, бе! То бяха (едни) прегръдки, (едни) спомени, (едни) разкази, (едни) снимки, (едни) чудесии...* С категорическим знаком перевернутой оценки (независимо от исходного знака номинации) выступает сочетание *то пък + един*. Оно употребляется пейоративно, для выражения пренебрежения: *То пък един бизнес! То пък една чистница! То пък едно село, две къщи накръст! То пък едни закони!* Х. Стаменов выводит и иронически-эминентные употребления образца, где утверждается отсутствие отрицательных качеств: *То пък си един мошеник, не можеш и мен да излъжеш!* Это предложения „со специфической presupпозицией, что кто-либо предполагает или может подумать, что *X* есть *Y*. Одна из целей таких высказываний с *един* – рассеять или предупредить возможный подвох собеседника“ (Стаменов 1987: 433).

К этому образцу плотно приближаются интонационные *перевертыши* с квантором *голям*: *Голяма красавица! Голям умник!* (в иронизирующем контексте: *Няма що!*). В функциональную синонимику вступают и модельные восклицания *Ама че...! Що за...?!* В русском языке в таких условиях оценочную реакцию организуют частицы *Ну и ...!*, образцы типа *Тоже мне ... (нашелся)!* или лжевопросительные *Что за...?! Какой / Какая / Какое / Какие там / тут / тебе / еще ...?!*

В последних именно за счет „уточняющих“ наречий, местоимений, частиц снимается амбивалентность модели, и возникают оттенки укоризны, осуждения, иронии. Подобную роль играют эти распространители и в болгарских оценках, т.е. поведение экспрессивных актуализаторов качества в двух языках сближается. В прагматическом аспекте вполне ощутим эффект формально лишнего местоимения, очерчивающих личные сферы говорящего – собеседника и контакт *я – ты*; такой контакт может подчеркиваться (особенно в болгарском) и одновременным присутствием местоимений обоих лиц. Подобна роль и наречий (особенно в русском) с семантикой *близости* или наоборот *отграничения, отдаленности*, которые, соответственно, интимизируют общение или задают холодный тон, усиливая общую семантику невозможности, нежелания найти общий язык. Сильная ангажирован-

ность говорящего способна нивелировать антонимную семантику наречных актуализаторов, а поочередное (с видимостью стихийности) переключение с 1-ого на 2-ое л. и наоборот сближают коммуникантов и распространяют эмоцию – собеседник втягивается в оценочный режим, приобщается к его констатациям. Это отмечается и в болгарских, и в русских разговорных конструкциях: срв. *Какъв ми ти студент?! Каква ти чистота?! Какви ми ти радости?! Какъв ти (ми) приятел, бе?! (Ще ме предаде и няма да му мигне окото); Какъв ти враг, бе?! (Тя му е родна майка...);* в русском *Какой (еще) тебе студент?! Какая тебе чистота?! Какое тебе / тут нужная?! Какое тут / там (тебе) хорошо?! (Холодно и убого...); Вот тебе и приятель! Тот же мне умник (нашелся)!¹³*

Что касается восклицательно-утверждающих квалификаций, эксплицитно выражающих высокую степень признака / качества, они оказываются в зависимости от оценочного знака имени существительного, но амбивалентность образца сохраняется (в том числе с возможностью преодоления плюсовой номинации, которая может иронизироваться): *Какъв изрод!* (–), *Каква красота!* (+) (+/–), *Какъв ден!* (+/–); в русском *Какой наглец!* (–), *Какая прелесть!* (+) (+/–), *Какая одежда!* (+/–).

Нам кажется, что вся эта неслучайная, но формально произвольная экспансия кванторов и актуализаторов (наречий, прилагательных, неопределенных артиклей, *пустых* местоименных форм) является признаком „играющей“ семантики (по Р. Якобсону) грамматических категорий. Совершенно ясно, что резкие изменения грамматического узуса нарушают автоматизм его симметрии с более или менее четко распределенными речевыми ролями.¹⁴ Таким образом происходит и авторское переосмысление ориентиров **кто, какой, для кого**, протекающее из специфики экспрессивной коммуникации.

Множество отмеченных здесь *неожиданных* употреблений, особых проявлений и своенравных модификаций являются свидетельством того, что и окказии, и варианты, нюансы, наложения значения

¹³ В глагольных фразах то же самое (Норман 2009): *Тя да ми изчезва оттук! Ти да ми мълчиш / млъкваш! Ти да не ми се месиш! Хич да не ми се правиш на интересен!*; в р. *Поговори еще у меня! Куда тут / там успеть!? Я тебе еще (тут) побегая у меня! Ты мне там смотри!* Подобные адресированные фразы регулируют отношения с встречной стороной, в то же самое время ясно выражают личную эмоцию своего автора: услышавший их **должен** отреагировать на содержащиеся в них упрек, запрет, угрозу (– *Ты чего мигаешь? – озлился сторож. – Ты мне не смей мигать. Я тебе так помигаю...*) (Норман 2009: 151 – 155).

¹⁴ Еще о парадоксальных функциях местоимений и их ролях в дисбалансе точек зрения в речевом акте см. Лотман 1996: 553 – 559.

неизменно отражают условия (и пестроту) употребления языковых единиц. Они зависят от отношений между участниками речи, определяются ими, а в то же самое время их регулируют и трансформируют. Как говорит Б. Ю. Норман, у каждой языковой единицы может быть в речи прагматический аспект (иногда более очевидный, иногда завуалированный, иногда глубоко скрытый), а значит семантика, синтактика, синтагматика и прагматика (как составляющие плана содержания языкового знака) „не только поддерживаются между собой, но в какой-то степени и конкурируют друг друга“ (Норман 2013: 186). При этом, оказывается, чем более *лабильной* или даже *непредсказуемой* является или представляется семантика языковых знаков, тем они более нагружены, т.е. весомы в прагматическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

- Буров, ред. 1994:** Буров, С., Бонджолова, В., Илиева, М., Пехливанова, П. *Съвременен тълковен речник на българския език.* [Burov, S., Bondzholova, V., Ilieva, M., Pehlivanova, P. *Savremenien talkoven rechnik na balgarskiya ezik.*] Велико Търново: Елпис, 1994.
- Димитрова 1998:** Димитрова, С. Развитие на езиковото съзнание у децата. [Dimitrova, S. *Razvitie na ezikovoto saznanie u detsata.*] // *Езиково съзнание.* София: Наука и изкуство, 1998, 15 – 113.
- Касаткина 2012:** Касаткина, Р. Ф. Русский язык ищет артикль. [Kasatkina, R. F. *Russkij yazyk ishhet artikl'.*] // *Вопросы языкознания*, 2012, 2, 3 – 9.
- Кузова 2020:** Кузова, М. Прагматический потенциал маркера *просто* в русском и болгарском языках. [Kuzova, M. *Pragmaticheskij potentsial markera prosto v russkom i bolgarskom yazykah.*] // *12-ый международный симпозиум „Русистика в современном мире“.* Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2020, 267 – 271.
- Кузова 2018:** Кузова, М. *Парадоксите на експресията в българския и руския език.* [Kuzova, M. *Paradoksite na ekspresiyata v balgarskiya i ruskiya ezik.*] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2018.
- Лакова, Коева 2006:** Лакова, М., Коева, С. Живот и научна дейност на ст. н. сътр. I ст. д.ф.н. Й. Пенчев. [Lakova, M., Koeva, S. *Zhivot i nauchna deynost na st. n. satr. I st. d.f.n. Y. Penchev.*] // *Езиковедски изследвания в чест на 75-годишнината от рождението на ст. н. с. I ст. д.ф.н. Й. Пенчев.* ИБЕ – БАН. София: Артграф, 2006, 7 – 16.

- Лотман 1996:** Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева. [Lotman, Yu. M. Zametki po poetike Tyutcheva.] // Лотман, Ю. М. *О поэтах и поэзии*. Санкт-Петербург, 1996, 553 – 564.
- Маслов 1982:** Маслов, Ю. С. *Грамматика на българския език*. [Maslov, Yu. S. Gramatika na balgarskiya ezik.] София: Наука и изкуство, 1982.
- Норман 2013:** Норман, Б. Ю. О прагматической нагрузке грамматических единиц (на материале морфологических категорий болгарского языка). [Norman, B. Yu. O pragmaticheskoj nagruzke grammaticheskikh edinits (na materiale morfologicheskikh kategorij bolgarskogo yazyka).] // *Јужнословенски филолог LXIX*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2013, 185 – 201.
- Норман 2009:** Норман, Б. Ю. *Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков)*. [Norman, B. Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugih slavyanskih yazykov).] Минск: БГУ, 2009.
- Осенова 1999:** Осенова, П. *Семантика и функциониране на неопределителните местоимения в българския език*. [Osenova, P. Semantika i funktsionirane na neopredelitelnite mestoimeniya v balgarskiya ezik.] София, 1999.
- Пенчев 1984:** Пенчев, Й. *Строеж на българското изречение*. [Penchev, Y. Stroezh na balgarskoto izrechenie.] София: Наука и изкуство, 1984.
- Стаменов 1987:** Стаменов, Х. Показателят за неопределеност *един* и предикативната именна фраза. [Stamenov, H. Pokazatelyat za neopredelenost edin i predikativnata imenna fraza.] // *Втори международен конгрес по българистика*. Доклади 3. Съвременен български език. София: БАН, 1987, 430 – 441.
- Тилев 2022:** Тилев, Е. *Морфологична (не)категориалност*. [Tilev, E. Morfologichna (ne)kategorialnost.] Пловдив: Макрос, 2022.
- Чакырова-Бурлакова 2004:** Чакърова-Бурлакова, Ю. О маркерах *един / один* в болгарском и русском языках. [Chakurova-Burlakova, Yu. O markerah edin / odin v bolgarskom i rusском yazykakh.] // *Динамика языковых процессов: История и современность* (к 75-летию со дня рождения проф. П. Филковой). София: Херон Прес, 2004, 235 – 248.
- Шведова, ред. 2003:** Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. [Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka.] 4-ое издание. РАН ИРЯ. Москва: Азбуковник, 2003.